

Край земли

Провинстаун стоит на загнутой полоске суши в дальней части мыса Кейп-Код — бородка на конце крючка, хрупкое низинное геологическое образование, в былые времена скреплявшееся корнями деревьев. Однако первые поселенцы вырубили большую часть леса — деревья отступили вглубь, и теперь земля, на которой построен Провинстаун, фактически представляет собой наносную песчаную гряду, непрочно соединенную с материком, непрестанно видоизменяемую приливами и отливами. Оказавшись там в середине XIX века, Торо назвал это место “тончайшим лоскутом суши на поверхности океана, лишь дымчатым отражением песчаной косы”. С тех пор изменилось немного, во всяком случае, если смотреть издалека. Построенный на окраине закругленного,

как туфля джинна, мыса, что тянется от береговой линии Массачусетса, Провинстаун повторяет изгиб этой вялой спирали — и обращен не к открытому морю, а в сторону берега, к бицепсу Кейп-Кода. Далекие огни, которые видны ночью по ту сторону залива, — это соседние городки Труро, Уэлфлит и Истэм. Если вы стоите на берегу со стороны бухты, океан остается позади. Если же развернетесь и, наискось пройдя город и дюны, поплывете на восток, то рано или поздно пришвартуетесь в Лиссабоне. Выбраться из Провинстауна по суше можно лишь одним путем — которым вы приехали.

Сказать, что он недостижим, будет преувеличением, но и попасть туда не то чтобы просто. В 1700-х единственную дорогу, соединявшую Провинстаун с остальной частью Кейп-Кода, временами размывало из-за штормов и смены течений, и тогда добраться до него можно было лишь по воде. Даже когда погода и океан позволяли, волочившиеся по песку повозки нередко вязли, а иногда их опрокидывало в прибой. Теперь Провинстаун куда надежнее скреплен с землей. Туда можно приехать на автомобиле. Почти одинаково — около двух часов — из Бостона или Провиденса, если только не попадете в пробку, хотя летом это, скорее всего, неизбежно. Из бостонского аэропорта летает самолет — двадцать пять

минут над заливом, и, если повезет, внизу вы увидите ныряющих китов. В летнее время — начиная с середины мая и до Дня Колумба* — из бостонской гавани дважды в день ходит паром. По своей сути Провинстаун — пункт назначения. Это край земли, конец маршрута. Его очарование отчасти состоит в том, что те, кто оказались здесь, приложили к этому определенные усилия.

В длину Провинстаун три мили, в ширину — чуть больше двух кварталов. С востока на запад его пересекают две улицы: Коммершиал-стрит, узкая, с односторонним движением, где сосредоточена почти вся городская жизнь, и Брэдфорд-стрит, более утилитарная, двухполосная, расположенная в квартале к северу. Соединительные дороги — по некоторым из них и одной-то машине трудно проехать — образуют весьма условную прямоугольную сетку между Коммершиал и Брэдфорд, а затем, повинувшись топографии, петляют на север, в сторону дюн или к стыдливим ложбинкам уцелевшего леса. Хотя город существовал здесь еще до 1727-го (год, когда ему присвоили официальный статус) и пережил немало губительных штормов, по-прежнему может стать, что крупный, четко направленный ураган однажды

* Праздник в честь прибытия Колумба в Америку. Отмечается в Испании, Италии и ряде латиноамериканских стран (12 октября), а также в большинстве Соединенных Штатов (второй понедельник октября). *Здесь и далее — прим. перев.*

все здесь сметет, поскольку в Провинстауне нет ни коренных пород, ни каких бы то ни было твердых точек опоры. Это песчаный город — более-менее в том же смысле, в каком арктические поселения — это ледяные города. В 1808 году один английский путешественник писал своим друзьям, что песок здесь “до того легок, что вихрится вокруг домов... подобно снегу в буран. И никаких твердых поверхностей: сходишь с порога, и нога утопает в песке”. А это уже Торо, примерно сорок лет спустя: “Песок — вот чего здесь стоит опасаться... Я видел школу, занесенную песком по самые верхушки парт”.

Песок с тех пор усмирили, и Провинстаун теперь зиждется на пластах асфальта, брусчатки и кирпича. При этом землю для садов свозили из других стран. Трава и цветы, растущие у домов постарше, тянутся из почвы, прибывшей в качестве балласта в корабельных трюмах в XIX веке, — когда-то она была частью Европы, Азии или Южной Америки. В ненастные дни над улицами по-прежнему взметаются песчаные вихоры.

Другого такого города на свете не существует. Если вы не любите толпы, летнее нашествие отдыхающих может оказаться для вас губительным. С другой стороны, если вы не выносите одиночества, за долгую зиму сосуд вашей души может переполниться ужасом. На Мартас-Винъярде, меньше чем в пятидесяти милях к югу и западу, вырастали и разрушались горы, этот остров видел наступление и спад океанов, жизнь и смерть великих лесов и болот. По Мартас-Винъярду бродили динозавры, и их кости спрессовались в геологический слой. Ледники приходили и уходили, то буксируя остров к северу, то отталкивая его обратно на юг, точно баржу. Некоторые ископаемые с Мартас-Винъярда имеют возраст в миллион веков. Северную же оконечность Кейп-Кода, где стоял мой дом, ту землю, на которой я жил — длинный спиралевидный отросток на самом конце мыса, покрытый дюнами и кустарником, — ветер и море создали лишь за последние десять тысяч лет. По геологическим меркам это не больше одной ночи.

Наверное, поэтому Провинстаун так прекрасен. Зачатые ночью (ибо можно поклясться, что они выросли во мраке одной-единственной бури), на рассвете его песчаные отмели влажно блестят с девственной непорочностью края, впервые подставляющего себя солнцу. Десятилетие за десятилетием художники приезжают писать свет Провинстауна и сравнивают эту местность с венецианскими лагунами и голландскими болотами, но потом лето кончается, большинство художников уезжает, и город открывает глазам длинное несвежее исподнее новоанглийской зимы, тусклой и серой, под стать моему настроению. Тогда вспоминаешь, что краю этому всего десять тысяч лет и у здешних привидений нет корней. Это не Мартас-Винъярд — здесь не найти ископаемых останков, которые привязали бы духов к себе, и потому наши бесприютные призраки, кренясь, проносятся с ветром по двум центральным улицам городка, что огибают залив вместе, как две идущие в церковь старые девы.

НОРМАН МЕЙЛЕР
“Крутые парни не танцуют”*

* Перевод с английского В. Бабкова.